

ЭЛИЗАБЕТ ХЭНД

Страшная сказка, в которой рок-н-ролл
переплетается с мистической готикой.

#TATY_СЕРИЯ

Тату-серия

Элизабет Хэнд
Последний альбом

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 821.111
ББК 84(7Амер)

Хэнд Э.

Последний альбом / Э. Хэнд — «РИПОЛ Классик»,
2015 — (Тату-серия)

ISBN 978-5-386-10837-3

Каменные стены старинной усадьбы Уайлдинг-холл скрывают множество загадок, и когда в особняк приезжают молодые фолк-музыканты, у них на глазах оживают древние кельтские легенды, маня своей страшной красотой. Титулованный автор фантастики и хоррора Элизабет Хэнд – американка по происхождению, обитающая в Лондоне, – создает изысканную мистику, овеянную атмосферой родины жанра «страшных сказок».

УДК 821.111
ББК 84(7Амер)

ISBN 978-5-386-10837-3

© Хэнд Э., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

Глава 1	6
Том Харинг, продюсер	6
Уилл Фогерти, ритм-гитарист	7
Лесли Стенсл, солистка	8
Том	9
Джонатан Редхайм, ударник	10
Эштон Мурхаус, бас-гитарист	11
Лесли	12
Уилл	13
Том	14
Глава 2	15
Лесли	15
Джон	16
Эштон	17
Том	18
Глава 3	19
Уилл	19
Том	20
Эштон	21
Лесли	23
Джон	24
Уилл	25
Лесли	27
Глава 4	29
Эштон	29
Уилл	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элизабет Хэнд

Последний альбом

Посвящается Элен Датлоу, с любовью и благодарностью за двадцать семь лет дружбы и проницательный редакторский взгляд, а также за кукольные головы

ELIZABETH HAND
Wylding Hall

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic and The Van Lear Agency LLC

Перевел с английского Ю. А. Балаян

© 2015 by Elizabeth Hand

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Прах обгоревшего дуба три раза
по ветру развей,
Трижды поведай ветрам о кручине своей,
Трижды три раза скрепи узел вечной любви,
Шепотом трепетным трижды ее позови...
Перья совы с ядовитыми травами перемешай,
Пусть с кипарисом могильным в огне затрещат,
Лица ее красоту задушевною рифмой восславь,
Лед ее сердца своим сладким пенем расплавь...
Горе! старался, из сил выбивался ты зря;
Ей все твое колдовство – что слепому
огонь фонаря.

Томас Кэмпион (1617)

Действующие лица

ТОМ ХАРИНГ, продюсер (Moonthunder Records), менеджер группы Windhollow Faire

Группа Windhollow Faire:

ЛЕСЛИ СТЕНСЛ, солистка, автор песен

ЭШТОН МУРХАУС, бас-гитарист

ДЖОНАТАН РЕДХАЙМ, ударник, перкуссионист

УИЛЬЯМ ФОГЕРТИ, ритм-гитарист, скрипач

ДЖУЛИАН БЛЕЙК (ныне покойный), вокалист, автор песен, соло-гитарист

ПАТРИЦИЯ КЕНЬОН, журналист, музыкальный критик

НЭНСИ О'НИЛ, медиум

БИЛЛИ ТОМАС, фотограф, агент по недвижимости

Глава 1

Том Харинг, продюсер

Я сам сыскал это поместье. Какие-то приятели моей свояченицы накоротке с хозяевами. Те застряли на все лето в Барселоне и сдавали дом в аренду. Причем недешево. Но я не жался, потому как после случая с Арианной ребят надо было закатать куда-нибудь подальше, и эта нора подходила не хуже любой другой. Теперь новым хозяевам пришлось выстроить забор, чтобы отгородиться от зевак. Каждый знает этот дом по обложке альбома; достаточно погуглить название, и получишь адрес с точностью до миллиметра.

Но тогда Уайлдинг-холл неприметной точкой терялся на карте местности, с собаками не найдешь. Сегодня народ туда тянется чаще всего из-за того, что случилось во время записи второго альбома, когда все там куковали. Ну, мы-то кое-какие соображения имеем по поводу происшедшего, а фанам невдомек, они только гадают... Что вырубке однозначно на пользу.

Но на первом плане, конечно, музыка. Лет двадцать назад в одном обзоре «Лучшие альбомы тысячелетия» «Уайлдинг-холл» поставили на седьмое место, прямо перед «Определенно может быть»¹, и все просто обалдели – кроме меня. Потом «Прах обгоревшего дуба» купил для своей рекламы производитель уж не помню чего, мобильных, что ли.

Так что теперь Windhollow Faire снова на коне.

А необъяснимое – или даже круче, необъяснимое и жуткое, – всегда во благо шоу-бизнесу, ведь так? Цинично, но куда денешься...

За исключением того раза, когда я привез в Уайлдинг-холл мобильную студию и пропил колесами глубокую колею, бывал я там нечасто. Разве что проверял, как двигается запись и в порядке ли инструменты, а еще снабжал ребят «витаминами». Теперь-то об этом можно вслух, верно? Понятно, чем в те времена «витаминились», – в основном трава и кислота.

И конечно, все они были совсем зеленые, молодняк. Джулиану восемнадцать, столько же Уиллу. Эштону и Джону вроде между девятнадцатью и двадцатью. Лесли как раз стукнуло семнадцать. Мои двадцать три казались им предпенсионными.

Золотые были денечки! Скажете, я тут рассопливился, разнюнился перед объективом? А мне пофиг. Золотые были ребяташки, девчонки и мальчишки, и лето золотое, и у нас был настоящий король этого лета.

Что стало с королем лета, вы в курсе. Та девица с обложки альбома – единственная, кто точно знает, чем дело кончилось. Но ее-то ведь теперь не спросишь...

¹ «Definitely Maybe» – дебютный альбом группы Oasis (1994). – *Здесь и далее примеч. ред.*

Уилл Фогерти, ритм-гитарист

Джулиана я еще со школы знаю. Росли в Хэмпстеде, попали в местную школу общего профиля. Сравнить с Эштоном и Джоном – аристократы. Но эта «элитарность» нам боком вышла, уж поверьте. Эштон в музыкальной мафии Мазвелл-Хилла свой в доску. Они там все друг с другом одной ниточкой повязаны. Куда ни плюнь посреди Аркуэя – попадешь в фолк-музыканта. Правда, если кого оплюешь в Хэмпстеде, запросто можно загреметь в кутузку за оскорбление личности. А со мной такое бывало, так и подмывало плюнуть Эштону в рожу. Еще тот подонок... иногда...

В общем, нам с Джулианом здорово не повезло. Не довелось пролетариями родиться. Учились в школе общего профиля – у вас в Америке это типа как частная школа. Хотя и в Хэмпстеде, не в шикарном Кенсингтоне. Но лучшие музыканты все из Мазвелл-Хилла. Может, воздух там особенный. Хотя скорее уж бухло.

Я начал со смычка, Джулиан с клавиш. Не помню, когда он переметнулся к гитаре. Но сразу стало ясно: для этого он и родился. Потрясающий гитарист. Он умел заставить инструмент петь флейтой, ситаром, человеческим голосом – чем хочешь. Мы играли в Хэмпстедском фолк-клубе, как громко именовался крошечный зальчик над пабом. Все фолк-клубы как под копирку сляпаны: комнатенка с дубовыми балками вверх по лестнице, ряды скрипучих стульев, народ вразвалку с куревом и кружками. Если очень повезет, угостят косяком. Ничего серьезнее там не водилось. И никаких бабок за наши песни не платили. Да и никому не платили, разве что всяким звездам типа Джона Мартина.

Но девчонок там можно было подцепить, потому я и вытащил Джулиана на сцену. Блеснуть, так сказать. Девчонкам понравилось. Во всяком случае, им понравился Джулиан. Он мог бы и на гребенке играть – на него и тогда вешались бы гроздьями. Уж очень был хорош собой, хотя с девицами поначалу стеснялся. Даже ходили слухи, что он голубой. Если и так, я за ним ничего подобного не замечал.

Лесли говорит, она тоже временами сомневалась. Но я скажу – только между нами, не для записи; мы с Лесли все еще вместе, не хочу ее обижать... А характерец у нее еще тот. В общем, я так думаю, что Джулиану она просто не приглянулась. Нет, она вовсе не страшненькая. Шикарный экземпляр, все при ней, мужики таких любят. Мы ведь потому ее и взяли!

Но, видите ли, она совсем другого типа с физической точки зрения, чем Арианна. Лесли далеко не худышка, а Джулиана еще в школе тянуло к субтильным крошкам с огромными печальными глазами. К таким бесхребетным доходягам. А Лесли до ужаса умная, и многих парней это отпугивало, даже Джулиана, хоть он и сам далеко не дурак. И не просто отпугивало. По-моему, он не привык водить дружбу с равными. По музыкальной части еще ладно, но не с теми, кто превосходит его по интеллекту. Тем более с девчонкой.

А Лесли вдобавок еще и американка. Такое в те времена было в новинку, а многих и вовсе корбило. В смысле, сопливая американка – и вдруг поет традиционный английский фолк в лондонском пабе? Некоторые прицельно приходили посмотреть, как она опозорится. Однако не дождались.

Лесли Стенсл, солистка

Он об Арианне никогда не говорил. В полицейском протоколе сказано: выпала из окна четвертого этажа на мостовую. В квартире Джулиана решеток на окнах не было, точно знаю. Она в депрессии, он в депрессии – во всяком случае, так теперь считается.

Вероятность самоубийства? Даже если я считаю, что она сама выпрыгнула, какая теперь разница, после стольких-то лет?

Она была подростком; мы все были подростками. Сейчас из нее вышла бы готическая лолита, скрюченная над своим мобильником. А тогда... прелестное дитя с прелестным голоском. Вот только ненадолго у нее дыхалки хватило.

Том

Джулиана ее смерть ошарашила. Ему казалось, что он за нее в ответе. Знай себе твердил: «И зачем только я ее впустил, не надо было... Я сам во всем виноват, мы с ней поругались...» – и так без конца. Они с Арианной выступали в клубе Middle Earth, только вдвоем, без группы. А потом он ей наплел, будто остальные настроены двигаться в другом направлении по музыкальной части. Она и вообразила, что теперь они вдвоем развернутся как следует, запоют дуэтом, типа как Саймон и Гарфанкел. А в реальности-то он хотел от нее отделаться. И пытался на прощанье подсластить пилюлю, но получилось ровно наоборот. Так я это себе представляю.

Джонатан Редхайм, ударник

Я видел, что творилось с Арианной. Она, конечно, была офигенная, но при этом, так сказать, барышня с запросами. Посерединке между Нико и этой, как ее, ту французскую певичку? Жюльетт Греко. Всегда ходила в черном, причем задолго до того, как каждый встречный-поперечный стал рядиться в черное. По правде говоря, она была жуткая зануда и кислятина, эта Арианна. Без нее мы немного потеряли, вот честно.

Эштон Мурхаус, бас-гитарист

Мы с ней однажды перепихнулись разок после концерта, так она потом разревелась. Видишь ли, предала Джулиана. Я ее утешаю, мол, Джулиану похер. Ему и правда до фени было, хотя зря я, наверное, ляпнул вслух. Вообще-то она хорошенькая была, но, на мой вкус, слишком тощая. Мне нравятся девицы, у которых есть за что подержаться. А Джулиана всегда тянуло к таким, кого любым ветром сдует.

Лесли

До сих пор помню, как Том нас «обрадовал» известием, что снял на лето Уайлдинг-холл. Джон и Эштон сразу скривили морды. Особенно Эштон – тот вообще рвал и метал. У обоих имелись свои планы на Лондон. У Эштона, естественно, девочки; у Джона, наоборот, мальчики – хотя об этом тогда якобы никто ничего не знал. А тут Том со своей гениальной идеей, что нам не хватает только деревенских каникул, чтобы прийти в себя от шока после смерти Арианны.

Да-да, я в курсе. Мое дело сторона, потому что я не варилась в Windhollow Faire с самого начала и Арианну толком не знаю. Ну так подайте на меня суд. Факт есть факт: с Арианной или без нее, они отыграли уже кучу концертов. «Уиндхоллоу-Фэйр», их первый альбом, вышел как раз к тому Рождеству, и раскупали его бойко. Тогда еще не развелось столько музыкальной прессы, как теперь; ни тебе Pitchfork, ни YouTube. Журнал Rolling Stone появился всего несколько лет назад... Ну и Melody Maker да NME. Продвинуть группу можно было только выступлениями, непрерывными концертами. Тут они постарались.

Но если совсем честно, выдохлись они еще при Арианне. Я их слышала пару раз, неплохо играли – по-моему, эпитет «многообещающие» уж слишком заезжен, – но спасти группу мог только крутой прорыв.

Конечно, Том не мог не заметить, что они буксуют по части вдохновения. Потому он и заслал Джулиана и Уилла послушать меня в клубе Troubadour. Я спела пару каверов Дилана, немножко Velvet Underground – вряд ли тогда в Лондоне про них вообще слышали, – ну и всякое обычное старье из сборника баллад Чайлда². Собственные песни припасла под конец. И на «Опрокинутом небе» уже знала, что они у меня в кулаке.

² Песенник английских и шотландских баллад, составленный Фрэнсисом Джеймсом Чайлдом в конце XIX века.

Уилл

Господи, ну и голосище у нее был! Лесли только открыла рот, как мы с Джулианом поглядели друг на друга и заулыбались. Когда она дошла до «Опрокинутого неба», мы уже чуть не по столам рванулись зазывать ее в Windhollow.

Том

Если подумать, надо было сразу сообщить Арианне, что мы нашли новую солистку. Я и должен был сообщить; это моя обязанность как менеджера. И то, что Лесли американка, Арианна, видимо, восприняла как плевок в лицо. Поэтому я с самого начала взял вину на себя. И все же Джулиан так себе и не простил.

Именно поэтому я и снял на лето Уайлдинг-холл: чтобы вырвать Джулиана из его гнусной конуры в Госпел-Оук. Гаже и депрессивнее жилища, доложу я вам, просто не сыщешь. Пожить там с неделю – я бы и сам, пожалуй, сиганул из окошка на мостовую.

Но это, пожалуй, вычеркните. Хватит с меня шизанутых фанатов, которые во всем винят исключительно меня. Я только хочу сказать, что идея выглядела удачной: три месяца в живописных развалинах старинного особняка на лоне прелестной английской природы.

Задним умом все крепки. Так говорят у вас в Штатах? У меня заднего ума нет и не было. А насчет Windhollow Faire я и вовсе конкретно лажанулся.

Глава 2

Лесли

Я туда ехала вместе с Джулианом. У него был древний «моррис-майнор», и когда мы загрузили в машину его гитару и всякое оборудование, я еле втиснулась. Остальные отправились в фургоне.

Разумеется, я слышала Джулиана раньше, первый альбом группы у меня тоже был. Но живьем я его толком не видела. Про него болтали, что Джулиан Блейк, мол, самый прекрасный юноша на белом свете. Естественно, я сразу уперлась и решила демонстративно не обращать на него внимания.

Надо признать, я жутко стеснительная. И не забудьте, мне было всего семнадцать. Мать и отчим у меня американцы. Оба погибли в автокатастрофе, когда мне было пятнадцать. Мой биологический отец был из Йоркшира; до моей мамы у него уже была другая жена и другая семья. Я родилась в Англии, когда папа с мамой еще не разошлись, поэтому гражданство у меня двойное. На летние каникулы я часто заваливалась к отцу и подружилась со своей сводной старшей сестрой, так что после гибели матери и отчима переехала к сеструхе в Ротерхит, на юго-восток Лондона.

Училась я не особо, зато умела петь. Папа вообще был мастер – постоянно подпевал радиоприемнику, но много знал и старых народных английских песен. Можно сказать, я у него училась со слуха. Просто запоминала мотивы.

Не сказала бы, что мне легко дался переезд к сестре. Только из-за того, что я американка, меня с ходу сочли задавакой. Друзей никаких. Пару раз меня грубо отшивали, а если я пыталась огрызаться, то сама и оказывалась виноватой. В конце концов я просто перестала ходить в школу. Но никто не собирался меня контролировать – полагаю, из-за того же антиамериканизма. Да и вообще в начале семидесятых по улицам слонялись толпы недоростков. Я рванула на Илпай-Айленд и поселилась в тамошней коммуне. Тогда и начала выступать.

Джулиан старше меня всего на год – точнее, на 14 месяцев. Робок он был патологически, куда стеснительнее меня. Но тогда, по пути в Уайлдинг-холл, я этого не понимала. Думала, что Джулиан задирает нос. Он из Хэмпстеда, а я хипповая блондинка из Коннектикута, хоть и живу в Лондоне уже год. Выглядела я старше своих семнадцати, так что сначала ему казалось, что я его за малолетку держу.

Я ничего не знала, пока Уилл меня позже не просветил. Они росли вместе, и Уилл иной раз служил ему вроде как толмачом, говорил от его имени. Бывало, Джулиан так смущался, что мог только стоять рядом и битую четверть часа таращиться в потолок, не в силах выдать ни слова. «Облачный принц» – это я написала про Джулиана. Мальчик с небесными глазами.

Джон

Это точно. В юности он казался совершенно не от мира сего. Я от него глаз отвести не мог, такой красавчик. Аж жутко становилось. Его считали геем, но сие, к сожалению, неправда. Геем был как раз я, хотя открылся уже после того лета в Уайлдинг-холле.

Поверьте, будь у меня хоть малейшая тень надежды, уж я бы ее разглядел, но с Джулианом мне абсолютно ничего не светило. Знаю, сейчас вы на меня смотрите и думаете: «Ага, как же, Шерлок!» Но тогда вы и сами все поняли бы. Я ведь в те дни был скорее наблюдателем.

Ну да, вы же видели всякие документальные кадры и ролики наших живых выступлений на YouTube. Я как раз постоянно торчал в глубине сцены за ударной установкой. Но смотрелся миленько, а?

Джулиан был прекрасен: высокие скулы, ореол темных волос, а кожа такая бледная, что хоть пиши на ней, как на пергаменте. И потрясающие руки, очень крупные, с длинными пальцами. Когда он играл на гитаре, я глядел на его пальцы и оторваться не мог, как под гипнозом. Стоило ему открыть рот и запеть «Потерянные вторники» или «Распростертое утро», и я натурально таял! Это я-то! Барабанщик! Глазел на него и мечтал – молился! – не о том, чтобы он меня поцеловал, а чтобы написал обо мне песню.

Но знаете, была у него такая придурь – не терпел прикосновений. Его аж передергивало, когда кто-то слишком близко подходил. Не только я – многие парни не в восторге, когда рядом ошивается другой мужик, – а вообще. Взять Арианну. Она-то думала, что у них любовь, а он к ней почти не притрагивался. Поэтому меня так удивила та девица.

Имя у нее, может, и было, но мне оно неизвестно. Единственная женщина – вообще единственная личность, – с которой он сблизился. Я имею в виду, физически.

Нет, я за ними не подсматривал, я не про то; просто она была единственным человеком, которого он на моих глазах охотно трогал, даже целовал. Если она, конечно, и правда была человеком.

Эштон

В фургон я взял Уилла и Джонно. Прибыли примерно в полдень. Рулил я; у этих двоих лопухов прав еще не было, только у меня и Джулиана. Поехали по А-31 до Фарнхэма, а дальше там только кривые проселки да крохотные деревушки. Во всяком случае, раньше так было. Гемпширская глубинка, пейзажи как из книжки «Ветер в ивах»³. Прекраснейшее место на земле. Теперь-то небось там все забетонировали и застроили; с тех пор так и не собрался с духом туда смотаться.

Не застроили? Ну и слава богу. А все равно не поеду.

До сих пор помню первое впечатление от Уайлдинг-холла. Дорожного знака никакого, только здоровенный валун, на котором высечено название – пожалуй, лет с полтыщи назад. Чистый антиквариат. Дорога через живую изгородь такая узкая, что ветки с обеих сторон барабанили по окнам фургона, будто пытались нас заграбастать. Одна дотянулась-таки, хлестнула меня по физию. Кровь аж на ветровое стекло брызнула. А потом еще и нагноение. Вот, гляньте, шрам остался – и все из-за той проклятой дубовой ветки!

Ехали мы, ехали, ехали и ехали, осточертело. Наконец кусты закончились, пошли поля, пастбища. Границы между ними размечали древние каменные стены, тоже лет по тыще, если не больше. Там еще доисторический курган, но мы его тогда не заметили. Я-то не суеверен, а вот Уилл как раз наоборот. Вечно копошится в архивах Сесил-Шарп-Хауса⁴, ищет старинные жестокие романсы, баллады всякие. Там он отрыл «Палач целует мой остывший лоб». Знал бы он, что в шаге от нашей усадьбы есть курган, остался бы в Крауч-Энде. Одно слово – псих. От него и поползли все эти слухи.

Нет, я Уилла обожаю и порву всякого, кто на него косо взглянет. Но он докурит любой косяк, заглотит любое колесо и дососет любую пинту, до которой дотянется. И каждого вусмерть задолбает своими идиотскими теориями. И Джонно такой же, два сапога пара. Так и запишите.

Мое мнение о происшедшем? А хрен его знает, не имею представления. Но я хоть не боюсь признать, что в мире существуют вещи, которых нам не понять.

Прекраснее девушки я в жизни не видел. Вот клянусь. Женат был пять раз, каждую из жен считаю красавицей. Но такой никогда не встречал. На нее глянешь – и хочется себе сердце из груди вырвать, так щемит. Любой из нас так скажет, кроме Лес. Она, так полагаю, скорее хотела вырвать сердце девчонке, а не себе.

³ Сказка шотландского писателя Кеннета Грэма (1908).

⁴ Английское общество народных песен и танцев, названное в честь его основателя Сесила Шарпа (1859–1924), собирателя и популяризатора музыкального фольклора.

Том

Уайлдинг-холл – глушь, но в том-то и соль. Для меня, во всяком случае. Чем дальше от Лондона, тем лучше. Там и по сей день мобильник сигнал не ловит. Не знаю, как новые хозяева обходятся. Может, это им и нравится.

Ничего отвлекающего – вот чего я хотел для группы. Им надо было оправиться, прийти в себя после смерти Арианны. Всех ее гибель травмировала в той или иной степени, а Джон к тому же потерял мать: умерла от рака. Они же просто дети были, не забывайте, совсем дети, особенно Лес. Она тогда недавно осиротела, жила с безмозглой сестрой-алкоголичкой и ее отпрысками, ютилась в социальной квартирке в Ист-Энде, пока вообще не сбежала на улицу.

Душой она состарилась очень рано. Даже тогда, в юности, по ней это было заметно. Крепкий орешек.

Короче, я придумал коварный план: загнать их в гемпширскую глушь, поселить этакой артистической коммуной и посмотреть, что выйдет в итоге. Прекрасный план, и не мной изобретен, проверен на практике. Молодость – а мы все были тогда молодыми – изумительная штука. Твори, меняй мир по своему замыслу! Своего рода утопия. Семидесятые годы!

Результат налицо: тот альбом, пусть даже потребовались годы, чтобы до публики дошло. Прогрессив-фолк нашел свое место под солнцем, и первый альбом Windhollow укладывался в его стандарт. Но «Уайлдинг-холл» взломал все стандарты жанра и задал новую тенденцию. Мне есть чем гордиться, как и всем ребятам. Прекрасная работа, ни одной халтурной песни.

Конечно, и первый альбом вовсе не позорный. Пара слащавых треков типа «Мисс Марии, я скучаю» и «Заблудился во тьме» немного недотягивали, а Уилл злоупотреблял всякими залихватскими завитушками – я еще не успел выбить из него эту придурь.

И разумеется, название группы отдавало безнадежной попсой: Windhollow Faire. Оказалось, в той захолустной деревеньке, в Уиндходдоу-Фэйр, Эштон впервые подцепил девицу. Где-то в Оксфордшире дыра. Интересно, догадалась ли про название та девка. Кто бы она ни была.

Но второй альбом – там просто волшебная химия. Алхимия, как Джулиан говорил. Он был насквозь пропитан разной магией в духе Алистера Кроули, астрологией и черт знает чем еще. Хиромантия, определение судьбы по шишкам черепа. Чтение заклинаний. Он и альбом хотел превратить в своего рода заклинание. Наделить его колдовской силой. Прослушаешь «Уайлдинг-холл» – и тут же, сам того не ведая, меняешься. Превращаешься в зачарованного. Это его словечко, я тут ни при чем! Помню, Джулиан действительно верил в такие штуки.

Но знаете, учитывая всю мощь альбома и то влияние, которое он приобрел в последующие годы, я и сам готов поверить в колдовство, особенно если принять во внимание лавину тотальной невезухи, совпавшую с его выходом.

Глава 3

Уилл

Усадьба представляла собой шикарные руины. Вроде пьяной светской львицы, у которой только и осталось что тряпки да побрякушки, которые на ней надеты, а она все равно не желает уходить с вечеринки. Встречал я таких дамочек.

Ничего грандиозного: не Хогвартс и не аббатство Даунтон. Но здание немаленькое и размашистое, по-настоящему старинное. Попадались и донорманнские детали – под деталями я подразумеваю останки каменной стены вокруг сада. Джулиан заявил, что там находилось поселение бронзового века. Ему, видишь ли, магия подсказала. Может, и не врал; магия – его стихия. По преимуществу полная бредятина: стеклянные шары, карты Таро, фимиам...

Эштон меня совсем извел: обвинял в том, что я суеверный. Ну да, я стучу по дереву, не поминаю лукавого, но надо же уважать обычаи. Можно сказать, по традиции. Я верю, что все случается не просто так и в старые добрые времена именно так и было. Даже если не видишь причину, лучше не копайся в том, чего не понимаешь. Не зная броду, не суйся в воду. Только и всего.

А Джулиан как раз и норовил влезть куда не звали. В древней истории он разбирался: два семестра прослушал в Кембридже. Светлая голова и настоящий талант; понятное дело, почему многим не давала покоя его фамилия – Блейк.

Может, он интересовался Уайлдинг-холлом и окрестностями еще до нашего приезда туда, или нашел старую книжку в библиотеке, или еще что. Но историю поместья он изучил досконально. Похоже, с первого дня знал все ходы и выходы: «Вот крыло эпохи Тюдоров, тут норманны, это добавили после гражданской войны, а здесь дурацкая пристройка Викторианских времен». Вышагивал с важным видом и показывал нам, где что, будто всю жизнь провел в поместье. Я настолько удивился, что даже спросил, бывал ли он тут раньше. Он лишь плечами пожал: «Нет, просто знаю, вот и все».

Поэтому особенно странно, что он не слышал о кургане и связанных с ним легендах. Не знаю, как Джулиан отыскал курган – по карте или случайно наткнулся, когда блуждал по пустошам. Остальные вообще ничего не знали. Поначалу мы из дому почти не вылезали, репетировали. А Джулиан любил бродить посреди ночи или рано утром, пока все еще спят. Он вообще ранняя пташка, даже в детстве до зари поднимался.

– Лучшее время, – говорил. – Пока день еще не испоганен.

Но в конце концов все испоганилось.

Том

Самая старинная сохранившаяся часть особняка относится к эпохе Тюдоров. Сзади, со двора, притулилась небольшая пристройка Елизаветинских времен, окруженная ивами. Живописно, но темновато: столетние деревья затевают все крыло. Или даже тысячелетние. Сколько вообще живут деревья? В эту часть дома ведет тесный и жутко мрачный коридор, облицованный дубовыми панелями. Потом длинный узкий зал с внутренним балконом в торце, так называемой галереей менестрелей; пол выложен каменными плитами. Вверху комнаты, много комнат. Не считал, потому что с агентом осматривал весьма бегло. Но увиденное впечатлило. Прекрасные резные панели, витражи, стекла в свинцовых переплетах. На уровне памятника архитектуры национального значения. Хотя слишком темно. Окон мало, и большинство утоплено в толстых стенах.

В старой части особняка никто не спал. Лесли, правда, считает, что Джулиан со своей пассивностью блуждали там в первую свою ночь, прежде чем запереться в его спальне. Лес за ними шпионила, ей можно верить. Их желание спрятаться от чужих взглядов вполне понятно. Джулиан такой благовоспитанный, само воплощение галантности. Даже старомодный. Он постарался тактично уйти в тень со своей подружкой, чтобы не мозолить глаза остальным. Но эффект оказался обратным, как всегда и бывает, если куча молодежи живет в ограниченном пространстве. Все сразу наострили ушки. Просто порочный круг какой-то: каждый из них был влюблен не в того, в кого надо! Свое получили только Джулиан и его девица. Ни одна коммуна того времени долго не протянула: все утопии рушатся из-за сексуального соперничества, и кто только на этом не погорел!

Короче, в основном народ тусовался в главном корпусе Уайлдинг-холла, смахивавшем на капитальный фермерский дом, причем весьма комфортный. Плиточный пол, высокие белые потолки просторной гостиной с мощными дубовыми балками и камином; окна выходят на зеленые лужайки и дальние чащи. Здесь и устроили репетиционный зад. Едва проснувшись, народ стекался в гостиную и торчал там до самой ночи, иногда берясь за инструменты. Электричество провели в имение сразу после войны и с тех пор не обновляли; энергоснабжение оказалось хиловатым, но на усилители и гитары хватало. Гостиная упиралась в старомодную кухню с громадной древней газовой плитой, длинным разделочным столом и разношерстным набором стульев и табуреток. Холодильник дребезжал при каждом прикосновении. Я все проверил во время осмотра с агентом по недвижимости, прежде чем подписать договор, и приборы работали. Пусть и с грехом пополам.

Туалет и ванная находились внизу, а сверху – несколько спален, в этом крыле их было, кажется, семь. Меблировка довольно-таки скромная, но кровать стояла в каждой комнате. В некоторых были письменные столы, кое-где комоды и шкафы, а в одной – громадное кресло, чуть ли не тронное, его облюбовал Джонно. Комнату Джулиана украшал письменный стол перед западным окном, откуда открывался вид на Даунс.

За этим столом он сочинил «Распростертое утро». Поглядите фотографию на развороте альбома: блокнот Джулиана, листы нот, россыпь ручек и карандашей, гитара на кровати. Прекрасный снимок.

Эштон

Больше всего мне определенно нравился репетиционный зал, где все общались и музицировали. Мы туда сползались поодиночке или парами, обычно продирая глаза примерно к полудню. Играли, импровизировали, слушали наработки песен Лес и Джулиана. Иногда так увлекались, что даже забывали пожать. Правда, выпить никто не забывал, особенно Уилл. Весь аппарат мы оставляли прямо там: маленький усилитель, гитары, мандолина и ситар Уилла, другое барахло. Он даже самостоятельно выучился играть на виоле да гамба: вот же нечего делать было чуваку. Ударные Джонно там же, а еще дряхлое, побитое жизнью пианино, которое мы выволокли из угла на середину. Джулиан иногда на нем поигрывал: «Зеленые рукава»⁵ и пьески Джона Дауленда⁶, которые вообще-то сочинялись не для фортепиано, но Джулиан здорово их интерпретировал.

И представляете, пианино оказалось идеально настроенным. Меня это с самого начала насторожило. Кто за ним следил? Дикость какая-то, особенно если учесть, что все остальное в доме держалось на соплях.

Многое там тревожило. Постоянно несло гарью, свежим древесным дымком, будто где-то рядом топили камин. Нас предупредили, что дымоходы не прочищались десятки лет, дрова в камин совать нельзя ни в коем разе. Впрочем, летом и без того тепло. Мы открывали окна, жгли ароматные палочки – запах гари не улетучился. В репетиционном зале пахло меньше, чем в остальном здании.

А еще тот жуткий птичий вольтер: крохотная угловая комнатуха в глубине дома, возле старого крыла. Чуть больше стенового шкафа, с выходящим на запад слуховым окошком под самым потолком. Однажды утром, через пару дней после прибытия я пустился на поиски сортира. В «главном» туалете основательно засел Уилл, и я устал ждать, когда он выйдет. Должно быть, там он и осваивал эту долбаную виолу да гамба.

Толком в доме еще никто не ориентировался, и я в одних носках побрел по заднему коридору, тычась во все двери подряд, вдруг где-нибудь найду другой туалет. Ручки едва поворачивались, некоторые вообще не открывались, и я так и не узнал, что там внутри. Но большинство дверей вели в пустые комнаты; кое-где громоздилась вдоль стен старая мебель, иногда составленная друг на друга. Резные столы, кресла, шкафы, сундуки – ни дать ни взять безумная антикварная давка на выезде. Так я добрался до конца коридора, и осталась только одна дверь.

Она распахнулась будто сама собой: я только чуть-чуть тронул ручку, и она повернулась как по маслу. Я сунулся внутрь – и тут же зажал нос рукавом. Воняло гадостно, настоящей гнилью. Не дохлой крысой или кошкой, не мертвечиной вообще. И не канализацией. Совсем ни на что не похоже. Но запах был очень плотный, будто дышишь испарениями, какие поднимаются над трясинной или типа того, – хотя мне случалось бывать на болотах, но такой вони я в жизни не встречал, даже ничего близкого.

Не знаю, как меня не вырвало. Сдернул с головы бандану – волосы тогда отращивал, – закрыл морду. На полу что-то лежало, но толком не разглядеть. Сначала я решил, что это свернутые коврики, потому что там повсюду были старые восточные ковры. Крохотное оконце под самым потолком заросло паутиной и пылью, так что глазам пришлось привыкнуть к полутьме.

На полу лежали не ковры, а птицы. Сотни, даже тысячи. Я взвыл и отпрянул, стукнувшись о дверной косяк. Но птицы даже не шелохнулись.

Все они были мертвы. Кучи корольков или ласточек – я по части птиц не знаток.

⁵ Английская народная песня XVI века.

⁶ Ирландский композитор и лютнист XVII века.

Маленькие, в ладони уместятся, с бурыми перышками и крошечными загнутыми черными коготочками, они валялись друг на друге, будто их сгребали лопатой. У некоторых – почти у всех – недоставало клюва.

Видали птицу без клюва? Жуткое зрелище: махонькие мертвые глазки, а под ними просто дыра.

Я резко развернулся, чтобы выскочить, – и тут что-то вонзилось в стопу, как будто на гвоздь наступил. С перепугу я наплевал на адскую боль, мигом оказался в коридоре, захлопнул за собой дверь и как можно быстрее заковылял обратно. Уилл к тому времени уже освободил клозет, так что я юркнул туда и заперся внутри, пока кто-нибудь не увидел меня в таком раздрае. Никому из наших я так и не рассказал о вольере.

Кровь текла со страшной силой, но когда я стянул носок, в стопе обнаружился не гвоздь, а птичий клюв, черный, размером не больше шипа терновника. Минут пять я его выковыривал. Как он настолько глубоко воткнулся – черт знает. Я очистил ранку, промыл, как мог, и обмотал бумажным полотенцем, но кровило еще долго. Шрам так и остался на всю жизнь. Показать?

Лесли

Мне досталась комната рядом с Джулианом. Прекрасная спальня с шикарной кроватью под балдахином. Постельное белье Том купил для меня на Портобелло-роуд: восхитительные простыни и наволочки из старого французского полотна. Еще прилагались большой гардероб и прямо-таки громадное зеркало. Видимо, потому что я девочка.

Я чуть не прыгала от восторга. Лучшая комната в доме и лучшая из всех, где я на тот момент жила. Пожалуй, и на нынешний момент тоже. Хотя целыми днями валяйся в этой шикарной кровати и сочиняй песни. Когда нет общих репетиций, конечно. Я перечитала кучу поэзии: Джон Клэр, Рембо, Верлен. И еще Дилан, Леонард Коэн, Джони Митчелл. Тогда было не густо женщин, писавших песни. И я собиралась изменить ситуацию.

Парни сидели внизу, в зале. Уилл, Эштон и Джонно. Помню, у Джонно в комнате стоял потешный трон, развалившись в котором он без конца слушал одну и ту же запись King Crimson. Иногда чуть ли не три часа кряду. Потом спускался вниз, наскоро перекусывал, и мы все вместе приступали к работе.

Джон

Так и было. Мы с Уиллом, думаю, каждые сутки часов двадцать из двадцати четырех проводили под кайфом. Эштон больше на бутылку налегал. Они с Лес иногда выбирались в паб. Кроме них, местные никого из обитателей дома даже в глаза не видали.

Уилл

Нет, я теперь не пью. Уже тридцать семь лет – дольше, чем вы на свете живете. А тогда неслабо закладывал. Профессиональное заболевание фолк-исполнителей того времени, можно сказать. Впрочем, и рокеров тоже. Лес до сих пор прикладывается, по лицу сразу видно. Это не для печати. У нее на то свои резоны.

Обычный день? Хм-м, трудно сказать. Вряд ли день, скорее уж ночь. Иногда мы собирались и за полночь. Ладно, для документальной точности пусть будет день. Джулиан мог подняться с рассветом, даже если почти не спал, но остальные расквашивались не раньше девяти, а то и десяти. Говорите, рано? Уж поверьте, я тоже так считал!

Но тогда нам всем казалось, что мы очутились в заколдованном месте, и хотелось выжать из него по максимуму. К тому же по молодости силы восстанавливались мгновенно. Можно всю ночь накачиваться алкоголем, курить до одури, баловаться марками или промокашками, сыграть в баре за наличку, если нужда поджигает, а наутро с ясными глазами бодряком собраться в гостиную и, закусив удила, приняться за работу.

Значит, типичный день?

Нет, не думаю... Не было типичных, вот честно. Скорее уж безмятежная идиллия, алкионово время.

Что это значит? Есть у Овидия такой миф. Алкионой звали дочь бога ветров. Ее возлюбленный, Кейк, был царем и сыном утренней звезды. Он не послушался Алкионы, пустился в долгий путь по морю. Поднялся страшный шторм и утопил его вместе со всеми, кто был на борту. Потом тело Кейка вынесло волной на берег, к ногам Алкионы. С великого горя она бросилась в море и утонула.

Но боги все же сжалились над ними обоими и превратили их в птиц. В зимородков. И каждое лето случаются шесть-семь солнечных дней абсолютного покоя. Это время и называют алкионовыми днями в память об Алкионе.

Вот так мы и жили в Уайлдинг-холле. Алкионовы дни и златые ночи. Как зачарованные жили, это и в музыке сквозит. Но магия на диске – лишь тень того волшебства, которое мы пережили, играя там вместе.

Ладно, «тень» не очень звучит, не та метафора.

Эхо – вот что слышно в альбоме. Эхо того, что мы вместе, Джулиан, Лес, Эштон и я, создавали в том зале под бешеный ритм ударных Джона, а солнце заливало огромные окна, и казалось, будто они из жидкого золота, а не из стекла. Мы играли часами, пока у Джулиана не лопнет струна или пока Том не позвонит по телефону. Пауза на перекур и глоток спиртного, а потом снова дружно за работу.

Вам не понять, каково это – творить музыку таким образом. Я и сам не понимал, даже не понятия не имел до Уайлдинг-холла. Джулиан все время сочинял: каждое утро он приносил новую песню или новый вариант уже написанной. Хватал гитару и принимался подбирать мелодию, напевая вполголоса. Почти сразу подтягивалась Лес, потом присоединялись мы с Эштоном, и тут взрывались барабаны Джонно. И мы просто... творили.

Со мной такого раньше никогда не бывало. Музыку вообще трудно определить словами, ведь так? Можно описать, какие чувства вызывает песня, чем ты занимался, когда впервые услышал ее. Можно рассказать, какие технические приемы использовались при создании трека, как его играть – последовательность аккордов, тут быстрее, тут замедлить. Ля-минор, до-мажор.

Но там было совсем другое. Знаете, есть такое избитое выражение: коллективное сновидение. Как иногда рассказывают про концерт или фильм: «Мы погрузились в другую реаль-

ность и вынырнули оттуда, только когда зажегся свет, и до самого дома шли как в тумане, будто только что очнулись от коллективного сна».

Но мы не спали. Мы словно заблудились, только не во тьме, а в ярком свете. Ослепительное солнце сквозь окна, дымовая завеса сигарет и косяков; в воздухе пляшут пылинки, точно живые, как мошки или атомы, серебристые искорки в золоте света. Все мечется, трепещет, даже лиц друг друга не различить, лишь свет и дым. Слышишь музыку и следуешь за ней. Глубокий голос Лесли и хрупкий тенор Джулиана; Джон касается лишь самого края тарелок, высекая тонкий серебряный перезвон. Бас Эштона. Я со своей мандолиной, которую сам собрал и настроил. И стенания Лесли пробирают до дрожи, до полуобморока...

Гитара Джулиана. Его самого не видно – он там, где сгустилась тень, на заднем плане, вдали от окон. Клянусь, я его и сейчас слышу. Есть у Дэйви Грэма такая вещица, «Энджи», знаменитая гитарная тема, очень трудная в исполнении. Каждый новичок, только взявшись за инструмент, пытается ее осилить, но вот что я вам скажу: не тут-то было. Тут никакие видео на YouTube, никакие уроки игры на гитаре не помогут, никакой мастер-класс Джимми Пейджа. А Джулиан ее освоил еще в школе. Помню, я дико впечатлился, но и завидовал ему до потери пульса.

Готов поклясться, Джулиан играл ее лучше самого Грэма, лучше всех. Он настраивал свой «гибсон» до ультразвука, который не слышал никто, кроме него самого; его гитару ни с чем не перепутаешь. Остальные просто тянулись за ней, как слепые за поводырем.

Репетиционный зал воспринимался как пространство вне истории. Тут не было того неприятного ощущения вторжения в чужие владения, которое преследовало меня в других комнатах Уайлдинг-холла. Какой бы ни была история гостиной, она принадлежала нам. Мы ее сотворили, оставили след. Иногда мне кажется, что мы должны были там остаться, по-прежнему играть вместе. Если бы не то происшествие...

Лесли

Джулиан дал мне почитать книжку. Это когда мы с ним уже познакомились ближе, примерно через неделю после прибытия.

Иногда он так смущался. Не любил, когда его трогали. В первый раз, когда он меня поцеловал, я чуть не потеряла сознание. Он, кажется, тоже.

Но если дело касалось вещей, которые его действительно интересовали, он приходил в восторг, прямо как ребенок. На свой потаенный лад – никогда не повышал голос, хотя изредка смеялся. Смех у него был почти безумный и будто бы приносил ему громадное облегчение, как оргазм или чиханье. У Джулиана аж дух захватывало.

Мы лежали в его кровати – в первый раз, когда спали вместе. Чудесное утро. Совсем рано, солнце только заглянуло в окно – там такое волшебное окно, через которое открывался вид на мили вокруг, за леса до самого Даунса, где лиловели далекие-предалекие холмы.

Но при этом были видны и шпиль деревенской церкви, и крыша паба, и руины башни, которую мы искали и не нашли, хотя стояла она близко, в рощице возле кургана, о котором мы тогда тоже еще не знали. Странное окно. Как будто глядишь в телескоп одновременно с двух концов, с правильного и неправильного.

В общем, мы лежали в кровати, и я решила, что надо бы встать, сбежать в туалет и поискать чего-нибудь перекусить. Я начала выбираться из постели, но Джулиан задержал меня.

– погоди, – сказал он и перегнулся через край.

Кровать у него была такая же, как и у меня в комнате, на высоких ножках: под ней свободно уместился бы еще один человек. А Джулиан хранил под кроватью все свои вещи: множество книг, конверты пластинок – не тех, которые он слушал, а чтобы разглядывать. Обложки тогдашних дисков – пальчики оближешь. Накуришься, поставишь запись, развесишь уши и рассматриваешь картинки на конверте. Чем только не развлекались, пока вай-фая не было.

Там были целые стопки книг. Карлос Кастанеда, Пол Боулз. Колода карт Таро. Джулиан обнаружил в старой части дома библиотеку – я туда не рисковала соваться.

Джулиан – другое дело. Книга нас и свела. Он сидел возле дома под старым дубом с каким-то толстенным томом. Я в шутку сделала вид, что хочу отнять книгу, он возмутился, и я сразу же извинилась. Я тогда только осваивалась в группе, считалась новичком. Жутко боялась взять неверный тон.

Но Джулиан повел себя ужасно мило: сказал, что не собирался меня пугать, но книга очень старинная, из тюдоровской библиотеки, как бы не испортить. Даже неизвестно, можно ли нам туда заходить. Видимо, библиотеку он обнаружил на второй день во время своих предрассветных блужданий и прихватил почитать несколько книг к себе в спальню.

Его впечатлило, что я читала Рембо и Джона Клэра. Не знаете его? Безумный поэт, который ночевал в кустах.

Птаха прячется от вьюги
Под застрехой жалкой кровли,
И весенней свежей травки
Ей уже не увидеть...

Я его могу по памяти цитировать. Думаю, тогда-то Джулиан и решил, что меня можно воспринимать всерьез.

Под кроватью лежало несколько древнего вида томов. В настоящих кожаных переплетах. Некоторые очень маленькие, размером всего с ладонь. Помню, я ожидала чего-нибудь совер-

шенно дикого; думала, сейчас Джулиан покажет мне эзотерическую рукопись, которую откопал в библиотеке, древнюю инкунабулу или типа того.

Но он вытащил «Священное и мирское» Мирчи Элиаде в мягкой обложке.

– Знакома? – спросил он, держа книгу в своих больших ладонях, как пойманную бабочку. – Блестящая теория. Существует два вида времени, священное и мирское, обычное. Повседневность, когда мы ходим на работу, в школу и тому подобное, – это мирское время. А Рождество или другие праздники, всякие религиозные ритуалы или совместный сакральный опыт вроде участия в спектакле или музицирования – тут уже действует время священное. Это все равно как, – тут он схватил ручку и начертил на внутренней стороне обложки небольшую диаграмму Венна, две окружности, – кружок в кружке. Видишь? Большой кружок обозначает время мирское, нечестивое. А этот – священное. Знакомо ощущение, как будто минуты идут быстрее или медленнее? Так вот, они на самом деле движутся по-разному. Когда вступаешь в священное время, попадаешь как бы в иное пространство, заключенное внутри нормального мира. Оно туда вложено. Понимаешь?

Я уставилась на него и покачала головой:

– Нет, не понимаю. – Затем принялась к его волосам. – Джулиан, ты уже успел накопиться?

Он нахмурился. Не любил, когда его доставали насчет наркотиков.

– Пока нет. Аадно, теперь гляди сюда...

Он рылся в залежах на столе в поисках чистого листка, а я просто смотрела на него. На фото видно, каким прелестным он был в молодости. Но снимки всего не передают. Джулиан постоянно сутулился и казался ниже, чем на самом деле. Сублильным никак не назовешь, скорее долговязый, длиннорукий, длинноногий. А какие волосы! Густые, слегка волнистые, отливают легким блеском – будто мед течет сквозь пальцы. Вечный рыжий вельветовый пиджак не доставал до запястий, открывая старомодные наручные часы из тех, которые надо ежедневно заводить. Дорогие. Должно быть, подарок на окончание школы. Куча непонятных циферблатиков с дополнительными стрелочками – а есть что-нибудь короче секунды? Если есть, то у часов Джулиана наверняка нашлась бы стрелка и для такого. Джулиан то и дело поглядывал на часы, а я то и дело поглядывала на него. Могла хоть весь день пялиться. И иногда так и поступала, когда мы репетировали в зале.

Он наконец отыскал чистый листок, что-то начирикал на нем ручкой и сложил на манер веера

– Вот смотри. – Он поднял вверх узкий клинышек сложенной белой бумаги. – Это мы сейчас. Мирское время.

Меня будто кольнуло в сердце. Мы ведь только что провели вместе ночь, и для меня она была священным временем. Но я лишь кивнула.

– Так... Теперь внимание. – Он развернул листок, и я увидела, что он там нарисовал: простенький пейзаж с холмами, деревьями, рассветным солнцем. – Вот что там внутри: целый иной мир! Конечно, в реальности он малость побольше, чем нарисованный, – с улыбкой добавил он, – но суть примерно такая же...

Несколько минут он молча складывал и растягивал свой бумажный веер, пристально уставившись на него: будто медитировал или вглядывался в картины, которых я не видела. Тогда мне показалось, что он все-таки под кайфом: перехватил пару затыжек, пока я была в туалете. Но теперь я уже не уверена.

Глава 4

Эштон

Деревенский паб назывался «Королек». Он и по сей день там. Пожалуй, фанаты группы немало там бабок спустили за прошедшие годы. Том выдавал нам деньги на питание, но большей частью они уходили на бухло. Джон вечно пробовал всякие особые диеты: жуткий суп мисо и коричневый рис. Тошнило глядеть, как он в этом месиве ковырялся. Остальные пробавлялись яичницей с беконом, изредка размахиваясь на тушеного ягненка. Почти по сценарию фильма «Уитнэйл и я», только без дядюшки Монти. Растворитель для краски я, правда, не потреблял. Пока что, во всяком случае.

Отovarивались у одного местного фермера. Звали его Сайлас Томас, старая развалина, точно сошедшая со страниц романа Томаса Харди. Он все время стращал нас опасностями вечерних блужданий по холмам и окрестным чащам, где так легко заблудиться. Особенно доставал Джулиана, потому как остальные прогулками не увлекались. Видимо, Том ему приплачивал, в смысле Сайласу, поскольку пару раз в неделю старик привозил нам еду: молоко, яйца, бекон, ржаной хлеб, который, скорее всего, сам и пек. Вряд ли у него была жена. Если и была, я ее не видал.

Но иногда, сами понимаете, душа просит чего-нибудь новенького. Другой пищи, других лиц. Мы с Лес первыми отважились заглянуть в «Королек». Она тогда держалась пайнкой, много не пила и очень мне нравилась. Да и не такая костлявая была, это уже потом рак ее обглодал.

Да, в те дни она разила наповал. Шикарные светлые волосы, огромные голубые глаза. Одевалась тоже круто: длинные юбки и платья, сапоги на шнуровке, развевающиеся шали, всякие сверкающие побрякушки... Элита хиппи, не чета нынешней шушере в черных фуфайках и с затычками плееров в ушах.

Пожалуй, Тому надо было получше продумать план. Четверо пацанов и одна девчонка, Лес, – уравнильщице с неизвестными. Я, например, взбесился, когда сообразил, что за репетиции устраивают Лес и Джулиан в спальне наверху. Аж в глазах потемнело от ревности. Но только на пару недель. Как только появилась та девица, великая любовь между Лес и Джулианом приказала долго жить.

Впервые мы с Лес отправились в «Королек» в пятницу вечером. С благородными намерениями поиграть в пабе и срубить малость бабла. Мы к тому времени сидели на мели, потому как успели спустить оставленные Томом деньги. Не будь старины Сайласа, вообще голодали бы. Изначально предполагалось, что Том будет заезжать в конце каждой недели и пополнять запасы, но пока он не появился ни разу. К тому же вся суть ссылки состояла в отсутствии любых визитеров, даже продюсера.

Да нам и не нужен был никто. Теперь даже не верится, скажите? Вот представьте: полная отрезанность от мира, ни мобильных, ни Интернета. Даже проводным телефоном не пользуешься, только в экстренных случаях: звонки дико дорогие.

Бензин тоже «кусался». Перед отъездом мы залили полный бак, но теперь он наполовину опустел, и мы опасались гонять фургон без особой надобности. Это ведро с гайками держалось на честном слове, и я жутко боялся, что оно вот-вот сдохнет и нам придет конец: мы навеки увязнем в гребаной гемпширской глуши. Насколько я знаю, «моррис» Джулиана за все время пребывания в Уайлдинг-холле тоже не двинулся с места.

Вашему-то поколению небось даже представить такое страшно, но для нас там был просто рай.

Однако и в раю на яичнице и дешевой бормотухе долго не протянешь. Короче, однажды я раскочегарил фургон и вместе с Лес ломанулся в город. Надо сказать, городом это назвалось лишь потому, что через него проходило шоссе. А так – деревня деревней: паб и полдюжины домишек, между которыми шастали куры.

Зато «Королек» оказался достойным заведением с постоянной клиентурой. Лес с ходу так очаровала бармена, что он угостил нас «пастушьям завтраком»: огромные ломти свежего белого хлеба, ветчина, чеддер, соленые огурчики. И отличный эль, который варили в миле от его заведения. Мы выпили по кружечке и немножко поболтали с барменом, и скоро он уже готов был тащить Лес прямиком в койку. Звали его Редж, славный малый. Не так давно умер. Удивился, когда Лес попросила разрешения спеть вечером в заведении.

– Так ты, значит, соловей, а не павлин? – Он перегнулся через стойку и подцепил край ее шарфа, расписанного павлиньими перьями. У нее и серьги были из павлиньих перьев.

– Павлин орет дурным голосом. А наша птичка поет как ангел, – заявил я и обнял Аес за талию.

Она отпихнула меня и повернулась к бармену, подтвердив:

– Да, так и есть. В Лондоне я выступаю только за большие деньги. Но для тебя, Редж, – лично для тебя – сделаю исключение. – И она завершила сделку, смачно чмокнув его в щеку.

Гитар у нас с собой не было, да и не стал бы я таскать свою басуху туда-сюда, так что мы просто... пели. Точно как в подвале клуба Trois Freres во время ночных концертов, когда каждому позволялось встать и исполнить три песни. Если, конечно, он мог держаться на ногах. Но Лесли в те дни пила как лошадь, да и я тоже. Выпивка, наоборот, поддерживала нас на ногах.

Мы спели «Облачного принца» и «Неспокойную могилу»⁷. Я запомнил, потому что Уилл в первый же день в Уайлдинг-холле заставил нас выучить «Могилу». Знаете ее?

Уста как глина холодны, дыхание —
смертный лед.
Тот, кто коснется губ моих, и дня не
проживет.
Добудь мне воду из песка, из камня кровь
найди
И принеси мне молока из девственной груди.

Публике понравилось. Редж орал всем и каждому, что мы тут по счастливой okazji аж из самого Лондона, а Лесли – вторая Дасты Спрингфилд. Ну и прочую фигню в том же духе.

Народ был в восторге и от песни, и от исполнительницы. Кое-кто впервые видел живую американку, к тому же такую крутую: павлиний прикид, кожаные сапоги, копна соломенных волос. Ну и видок у нее был! Да еще и пьяна в дрова, понятное дело, – улыбалась направо и налево, когда мы наконец допели. Посетители орали, требовали продолжения, но она смеялась и обещала в другой раз вернуться вместе с друзьями.

– Не надо друзей! – заорал какой-то верзила. – Нам и тебя хватит, одной на всех!

В тот вечер мы отхватили семь фунтов. По нынешним ценам – чуть ли не сотня, то есть почти сто пятьдесят баксов. Хватило на сигареты, шоколадное печенье и сласти, бананы, виски и несколько бутылей вина. Неплохо за три песенки.

⁷ Известная английская народная песня, датируемая 1400 годом.

Уилл

В тот раз они пели там «Неспокойную могилу». Эштон рассказал; меня с ними не было. Песню я раскопал в Сесил-Шарп-Хаусе в Лондоне. Древняя баллада, очень мрачная. Спросил Эштона, почему он выбрал именно ее. Обычно он склонен к джигам, всяким плясовым-хороводным. Он объяснил, что хотел послушать, как Лесли подаст ее аудитории.

Я бы такую песню не выбрал. Тем более для первого выступления здесь, в деревне. Она как предвестник опасности, как предостережение. Знаете, как в детских считалочках или старинных стишках иной раз зашифровывают для памяти кулинарные рецепты, или исторические события, или последовательность улиц? «Неспокойная могила» как раз такой случай. Знак беды.

Нет, я вовсе не собираюсь обвинять Эштона в том, что произошло. Но я и правда считаю, что этой балладой он накликал несчастье.

Жаль, что меня тогда с ними не было. Я ведь единственный в группе как следует разбираюсь в фолке. У Эштона и Джона рок-н-рольная закалка. Они легко подбирают мелодии, сильны в инструментовке, но до Уайлдинг-холла старую музыку вообще толком не изучали. Просто подхватывали любой мотивчик, который попадется, и пытались прибрать его к рукам.

Джулиан – совсем иное дело. Он лучше всех, даже лучше меня самого понимал, о чем эти песни и какой в них смысл. Но тогда я еще был не в курсе.

А Лес – какой спрос с американки. Конечно, сейчас она не хуже меня разбирается, что к чему в фолке, но тогда она лишь подхватила общую струю. В те времена выбор был невелик: если не рок-н-ролл, то фолк. Боб Дилан, Джоан Баэз, Джуди Коллинз – все они строили риффы на английских народных песнях. У Лесли и голос как раз подходит. Куда душевнее, чем у той же Грейс С лик. И не такой менторский, как у Джоан Баэз, которая будто лекцию читает с кафедр.

Тембр у Лес просто волшебный. Она тогда только начинала сочинять собственный материал и пела все, что ей ни дашь. Вряд ли она что-нибудь поняла насчет тех фотографий в пабе, а вот Эштон мог бы мне и рассказать о них. Он знал, насколько меня тогда увлекал фольклор, традиции... А может, он потому и не упомянул снимки. А то и вовсе не заметил их, уж очень он тогда нажрался.

Я в паб заявился попозже, через пару дней. Захотелось ноги размять, да и вырваться на воздух иногда не помешает. А то в Уайлдинг-холле иной раз возникало ощущение, что мы болтаемся в скороварке под давлением. Лес с Джулианом упражнялись на его кровати, не особо стесняясь. В основном, правда, было слышно Лесли, он-то вел себя тихо. Кровь у Джулиана не особенно бурлила, во всяком случае до появления той девушки.

Короче, Джулиан с Лес переживали самый пик романа, пусть страсть кипела в основном с одной стороны, и я затосковал по своей подружке Нэнси. Про Джонно не скажу – кто его знает, что у него было в голове. Он до самой осени скрывал от нас, что он голубой. А тогда, я точно помню, плел небылицы о какой-то девице в Челси.

Но я по Нэнси жутко скучал. Без конца жалел себя, бедного, часами наигрывал у себя в комнате всякую тоскливую тягомотину.

В тот день я решил пожалеть себя как следует и потопал в паб. Пешком туда чуть не час; пока добрался, в горле пересохло. Взял пинту доброго эля, сел в сторонке. В зале толкалась кучка стариканов, но ко мне не приставали – и слава богу.

Употребил первую пинту, потом вторую и к третьей созрел отлить. А когда возвращался из сортира, заметил на стенке фотографии. Старинные черно-белые снимки в дешевых рамках. В любом английском кабаке висит такая фигня: местная команда по регби, или чей-нибудь брательник рядом с вратарем «Манчестер юнайтед», или прадедушка хозяина заведения.

Но там тематика оказалась иная. Я сперва подумал, снимки жутко древние, начала девятисотых годов, а то и раньше. Именно из-за сюжетов. Я тогда постоянно ошибался в Сесил-Шарп-Хаусе, ковырялся в архивах и старых книгах, так что сразу их узнал. То есть не сами фотографии, а общий дух.

Группа пацанов беспризорного вида: мешковатые сюртуки, будто с чужого плеча; высокие ботинки или мягкие кожаные сапожки; на головах цилиндры или рабочие фуражки, украшенные плющом и хвойными ветками. Зима; земля присыпана снежком. На одном снимке ребята стучат в дверь коттеджика. На другом стоят рядом с палками в руках, вроде прогулочной трости, и таращатся в камеру с тем нелепо мрачным видом, какой всегда бывает на старинных снимках. Как будто им строго-настроено приказали ни за что не улыбаться. На последней фотографии все выстроились полукругом на макушке холмика.

Скажете: ну и что, ничего особенного?

Возможно, если бы не одна деталь. На каждом снимке один из пацанов держал некую штуку наподобие самодельной клетки, тоже украшенную зеленью. Не то чтобы настоящая птичья клетка, а просто два обруча из ободранных ивовых прутьев, помещенных один в другой и перевитых плющом и падубом. Внутри к крестовине, где прутья пересекаются наверху, что-то подвешено. На снимке возле двери вообще почти ничего не разобрать, но на двух других клетка вырисовывалась достаточно четко.

На том фото, где они выстроились на холме, клетка пустая и стоит у ног самого мелкого пацана. На втором, на фоне перелеска, тот же мальчуган держит конструкцию из ивовых прутьев перед собой, словно фонарь. Тут ее было видно поближе, и я разглядел, что там внутри:дохлая птица, подвешенная за одну лапку. Не тетерев, куропатка или фазан, которых стреляют на охоте, а крохотная, с воробья, которой даже на один прикус не хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.